

УДК 94 (571)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-172-176

Н. В. Кабакова*Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск, Российская Федерация***Хозяйство русских жителей Тарского Прииртышья (по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.)¹**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о развитии земледелия и скотоводства как основных видов хозяйственной деятельности у русских жителей Тарского Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. Основным документом для исследования послужила Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. в части ее сведений о служилых людях из числа детей боярских города Тары и казаках, а также крестьян селений, расположенных по реке Оше. Сделан вывод о разнообразии существовавших хозяйственных формирований у представителей разных категорий русского населения. **Ключевые слова:** Дозорная книга, Тарское Прииртышье, хозяйство, русские, служилые, крестьяне.

Проблематика развития хозяйства русских жителей на территории Сибири в конце XVII – начале XVIII в. привлекает внимание исследователей, поскольку позволяет выявить особенности и уточнить закономерности социально-экономических процессов региона данного исторического этапа. Эта тема органична для современного этапа отечественной историографии и потому, что востребованным остается изучение локальных процессов, рассмотрение которых сквозь призму новых источников становится наиболее актуальным. Таким источником для погружения в вопросы, связанные с развитием хозяйства русских жителей Сибири рубежа XVII–XVIII в., является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. Этот документ представляет категорию материалов фискального характера [1], он не повествует напрямую о занятиях населения края, его сведения о способах и приемах ведения хозяйства скудны. При этом Дозорная книга хранит ценные факты, способные помочь в извлечении данных по интересующей нас тематике и их дальнейшей интерпретации.

На протяжении всего XVII в. правительство стремилось создать на территории Западной Сибири собственную продовольственную базу. Для реализации программы самообеспечения региона сюда направлялись крестьяне из европейской части страны, поощрялись их переезды в далекий край. Однако развернуть народную колонизацию было непросто, и приток новых жителей – будь то добровольные переселенцы или отправляемые в Сибирь насильственным образом – не мог удовлетворить потребности русских, уже находившихся здесь, в обеспечении хлебом. Наиболее заметная роль в развивавшихся процессах освоения территории принадлежала служилым людям, призванным присоединять земли, оборонять их. Стратегии адаптации к условиям сибирской жизни и у крестьян, и у служилых определялись их прежним опытом, в том числе и хо-

зяйственным, в соединении с обстоятельствами, в которых все они оказались в новой обстановке. Поэтому многие земледельческие традиции, характерные для европейской части страны, были воплощены в распространении хлебопашества в Сибири.

Практически с самых первых десятилетий пребывания в Сибири стали предприниматься попытки «посадить» служилых на пашню как для снижения казенных расходов на их содержание, так и для решения проблемы создания местной хлебопроизводящей базы. Переход к занятию земледелием создавал альтернативу хлебному жалованию, изначально выплачиваемому служилым, путем перевода их на службу с пашни. Правительство установило норму земельного надела, в случае неполноты которого служилые могли сохранять часть хлебного жалования. Но в любой ситуации фактор наличия пашни приводил к вычетам из него. Превышение же нормы земельного участка означало не только полное отсутствие хлебного жалования, но и необходимость уплачивать выделный (десятый сноп) или отсыпной хлеб. Крестьяне же обязывались обрабатывать государственную десятину, получаемый хлеб с которой поступал в казну. Размер десятины зависел от площади собственной («собинной») земли.

К концу XVII в. в Западной Сибири в наибольшей степени были сформированы Верхотурский, Туринский, Тобольский уезды как самые населенные и производящие значительное количество хлеба. Все возраставшее число их жителей позволило начать «внутреннюю колонизацию», организовав переселения в подрайоны, ожидавшие людского притока для своего поступательного развития. Таким уездом был Тарский, охвативший южные части Прииртышья, уже вошедшие в состав Русского государства. Сюда прибывали переселенцы и из европейской части страны, и из сопредельных северных и западных районов. Наличие огромного земельного фонда позволяло жителям Тарского уезда, как и других сибирских областей, иметь столько земли, сколько они могли обработать. Способы приобретения могли быть различными – от покупки до захвата пу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

стюющих земель. И при том, что формально все эти ресурсы оставались государственной собственностью, местные жители свободно распоряжались своими владениями — дарили, передавали по наследству, закладывали, продавали и пр. Подобные обстоятельства диктовали необходимость упорядочивания сведений о населении, их собственности и повинностях и потребовали проведения «дозора», призванного добиться увеличения хлебных поступлений в казенные житницы. Один из таких дозоров был проведен в Тарском уезде в конце XVII в. Содержавшиеся в нем «именные списки» сопровождалась обстоятельными данными о пашнях с указанием денежного и хлебного жалования для служилых и числа обрабатываемых десятин на государевой пашне для крестьян, сведениями о наличном скоте и имевшихся сенных покосах. Эти материалы помогают выяснить ряд специфических особенностей развития хозяйства русских жителей на территории Тарского Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв.

Верхушка служилого сословия Тарского уезда была представлена детьми боярскими, больше всего их проживало в городе Таре. По замечанию А. А. Люцидарской, изучавшей положение и роль детей боярских в развитии сибирского региона, эта группа как высший слой служилых людей «выработала свою субкультуру, в целом мало отличающуюся от субкультуры служилого населения как такового. Однако дети боярские все же выделялись из общей среды служилого населения... своим стабильным материальным положением» [2, с. 420]. Действительно, дети боярские города Тары, которых в общем количестве зафиксировано Дозорной книгой 29 чел., получали денежного жалования от 7 до 12 руб., служили за хлебный полный оклад с пашни. Однако значительная их часть (13 чел.) земли не имела, потому служила с полным хлебным окладом. Кроме этого дети боярские, владевшие земельными участками, имели возможность обзаводиться крепкими дворами, применяя наемный труд. В трех из 29 хозяйств сынов боярских Тары записаны дворовые люди: у Степана Козьмина сына Заливина и у Михайла Алексея сына Костылецкого — по 2 человека, у Ивана Кириллова сына Заливина — 3 человека «калмыцкой породы». Эти две семьи Заливиных вообще выделялись своим имущественным положением среди остальных семей детей боярских Тары. Степан являлся обладателем 4,5 десятин пахотной земли, 4 лошадей, 5 коров и 7 овец, а помощниками ему были два взрослых сына. У Ивана во владении с двумя его братьями, также детьми боярскими, имелось 13,5 десятин пашни, 65 десятин непахотной земли, заготавливалось сена по 450 копен, содержалось 10 лошадей с жеребятками и столько же рогатого скота, 5 овец [3, л. 6 об., 11 об.]. Такие хозяйства способны были приносить существенные доходы. Крупные земельные владения принадлежали Василию Герасимову сыну Костылецкому (заимка по Оше реке в 30 десятин), Павлу Семёнову сыну Костылецкому (4,5 десятины пашни по Чекрыше и 20 десятин непаханой земли), Якову Ивано-

ву сыну Макшееву (6 десятин пашни и 22 — непаханой земли) [3, л. 10 об. — 11, 14–14 об.]. По сложившемуся обычаю большинство тарских детей боярских являлись обладателями угодий отличного качества, располагавшимися в наиболее благоприятных для хлебопашества местах. Они выбирали их вдоль рек (Ибейки, Агая, Чекрыши, Оши, Иртыша) и озер (Петрова, Зуева). Из 16 землевладельцев лишь 3 пахали «в поле», то есть рядом с городом, остальные — «наездом». Принимая во внимание исключительно тех детей боярских Тары, что занимались хлебопашеством, мы вывели, что в среднем на каждого из них приходилось по 7 десятин паханой, 18,2 десятины непаханой земли и по 177 копен собираемого сена. Традиционно дети боярские Тары как служилые люди и как земледельцы не могли обходиться без скота, необходимого для выполнения военных обязанностей, без которого ведение хозяйства оказывалось затруднительным. Только 2 человека из данной обследуемой категории его не имели, остальные же в своем большинстве владели по 1–2 (в 17 дворах) или по 3–4 лошади (в 7 дворах) и по 1–2 (в 18 дворах) или по 3–4 коровы (в 6 дворах).

В перечне Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. среди селений по реке Оше зафиксировано 14 деревень и село Спасское (Ложниково). Состав их жителей представлен исключительно служилыми людьми, среди которых записаны конные и пешие, черкасской и литовской сотни казаки, стрельцы, казачьи, стрелецкие и рейтарские сыны, отставные. Исключение составляла расположенная в этом же краю Аевская слобода, где жили главным образом крестьяне. Все русское население занималось хлебопашеством и скотоводством. В таблице, составленной на основе материалов, извлеченных из Дозорной книги, сообщаются данные об общем количестве земель и скота, наличествовавших у жителей Аевской слободы, Спасского (Ложникова) села и 14 деревень по реке Оше (табл. 1). Размер угодий (паханных и непаханных) указан в десятинах, при этом произведен их подсчет с учетом существовавшей трехпольной системы. Так, например, в дозоре говорится, что во владении находится «десятина в поле, а в два потому ж», что означает размер участка в три десятины. Сенные покосы в таблице, как и в источнике, зафиксированы в копнах: на одной десятине полагался сбор сена в 10 копен.

Из жителей Аевской слободы владельцы только четырех дворов являлись служилыми, беломестными казаками. В двух дворах служилых скота не держали, пашни не пахали, два других имели по лошади и держали сенные покосы по 30 копен.

В слободе числилось 24 крестьянских двора. На эти дворы отводилась государева десятина и собиная пашня. Описаний расположения крестьянских угодий в Дозорной книге нет, поскольку все они размещались «в поле», неподалеку от слободы, единым массивом. Соотношение собственной и оброчной земли составляло 5 к 1, независимо от количества лиц мужского пола, указанного в составе семьи. Не-

Таблица 1
Наличие земель и скота во дворах жителей населенных пунктов Тарского уезда, расположенных по реке Оше

Населенный пункт	Количество дворов	Общее количество земель			Общее количество скота		
		Пашни паханные (в дес.)	Пашни непашаные (в дес.)	Сенные покосы (в копнах)	Лошадей	Рогатого скота	Овец
Сл. Аевская: служилые, крестьяне	4 24	— 110 (из них 24 – десятичная)	—	60 1420	2 32	— 30	— 2
С. Спасское (Ложниковское)	42	187,2	579	4010	118	107	106
Тевриская	4	24	681	550	15	28	15
Шадрина	4	21	52	450	10	10	16
Кубрина (Сарина)	5	17,4	65	800	15	16	29
Ставская	19	84	286	1940	53	54	76
Шкунова	5	13,5	45	250	9	10	16
Нагаева	2	10,5	37	100	7	7	7
Куянова	2	9	35	300	3	2	—
Кучковская (Любимова)	11	73,5	205	1520	49	43	63
Кузнецова	3	21	1200	1250	19	19	31
Коюрлинская (Носкова)	11	57	510	1400	30	30	24
Свидерская (Зубова)	7	36	90	750	38	34	23
Поморцова	6	31,5	275	1400	29	27	32
Скатова	8	33	105	550	22	20	8
Терехина	8	42	153	1950	24	27	5

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 138–184 об., 267–272 об.

паханные земли у крестьян отсутствовали. 6 крестьян собинной пашни не имели, пахали только государственный надел, составлявший $\frac{3}{4}$ десятины, и в документе отмечено, что все они «кормились работой». Заметим, что ни у одного из них не названо ни братьев, ни сыновей. В наибольшей степени выделялся обеспеченностью двор Федьки Маркова сына Завьялова, владелец которого «в малых летах» был привезен в Сибирь из Москвы. Вместе с братом Афонькой они пахали больше 9 десятин собинной пашни и почти 2 десятины казенной пашни. Еще одно крупное хозяйство принадлежало Андрюшке Неупокоеву с двумя братьями, у которых своя земля включала более 11 десятин, а государева – 2,25 десятины [3, л. 268–268 об.].

Из 24 крестьян Аевской слободы 6 человек не имели скота и сенных покосов (это были те же самые, что пахали только десятинную пашню и собинной не имели, а кормились работой). Наиболее обес-

печенные земель крестьяне владели и наибольшим количеством скота. Так в хозяйстве Федьки Завьялова было 4 лошади, рогатого – столько же, покосов в Урейском лугу на 150 копен, у Андрюшки Неупокоева, Стеньки Соловьева – по 3 лошади и 3 коровы, покосов – на 200 и 100 копен соответственно в Урейском же лугу [3, л. 268–268 об.]. В целом же третья часть (8 человек) дворохозяев-крестьян Аевской слободы держала покосы на 100 копен, а минимальный их размер (в 30 копен) принадлежал четверым крестьянам. Чаще всего на один двор приходилось по 1–2 лошади и 1 корове.

Из селений по Оше реке наибольшее количество дворов служилых (42) приходилось на Спасское (Ложниково) село. Самыми крупными деревнями, населенными казаками, являлись Ставская (19 дворов), Кучковская или Любимова и Коюрлинская или Носкова (по 11 дворов). В Скатовой и Терехиной деревнях в дозоре записано по 8 дворов, в Свидерской – 7 дворов, в Поморцовой – 6 дворов. Минимальное количество дворов было в Нагаевой и Куяновой (по 2) и Кузнецовой (3 двора). Денежное жалование служилых чаще всего составляло от 4 с четвертью до 7 с четвертью рублей. Из жителей этих населенных пунктов не владели никакими земельными угодьями в Спасском селе 4 служилых, в Коюрлинской, Свидерской и Скатовой – по 2 казака, в Кубриной, Ставской, Шкуновой и Кучковской – по 1 чел. Несколько человек держали только паханные земли: в Спасском (4 чел. по 3 десятины), в Коюрлинской деревне (2 чел. по 4,5 десятины). Наиболее высокие средние размеры паханных земель в пересчете на один двор были в Кузнецовой (по 7 десятин), Кучковской (по 6,7 десятины) и в Тевриской (по 6 десятин). При этом самый большой надел в 15 десятин принадлежал черкасской сотни казаку Данилке Григорьеву сыну Кучковскому, у которого было трое взрослых сыновей и внук [3, л. 162]. В Тевриской деревне владельцем значительных пашен в 9 десятин являлся литовской сотни казак Бориска Петров сын Бутаков, вместе с которым проживали два сына и два брата [3, л. 138]. В основном же во всех селениях по Оше служилые обрабатывали по 3–4, 5–6 десятин. Превышение данного размера запашки означало большое число представителей мужского пола, приписанных ко двору служилого. Например, 9 десятин пашенных владений было у Ивашки Григорьева сына Кучковского с двумя сыновьями и дворовым человеком, 12 десятин – у Левки Яковлева сына Кубрина с двумя сыновьями (оба – конные казаки, жители Кучковской), по 9 десятин – у Анички Михайлова сына Зубова с четырьмя сынами и Мишки Микитина сына Зубова с тремя сынами из деревни Свидерской, у Матюшки Агеева сына Горчакова с шестью сыновьями и Лучки Гарасимова сына Копьева с четырьмя сыновьями и двумя братьями из села Спасского и пр. [3, л. 141, 142 об., 162–162 об., 177 об.]. В описаниях земледельческих хозяйств служилых людей изредка встречались «пашни наездом», «заимки», имевшие статус временных, что было об-

условлено спецификой воинской профессии, которая могла потребовать отлучки, но порой диктовалась необходимостью выявления плодородия почв посредством пробных запашек.

В качестве особых владений служилых выделяются земли непаханные, которые могли включать «лесом порослые» и болотистые места, залежи и пустоши, поскотинные луга. Непаханой земли больше всего принадлежало жителям деревни Тевриской – в среднем более 170 десятин на двор, но достигался столь высокий показатель за счет размашистых владений литовской сотни казака Бориски Петрова сына Бутакова в 625 десятин, который к тому же имел сенных покосов на 400 копен, требуемых ему для содержания 10 лошадей, 20 голов рогатого скота и 15 овец [3, л. 138]. Сын боярский Иван Васильев сын Свицерской из деревни Коюрлинской держал залежной, лесом порослой земли и выпаша на 400 десятин, сенных покосов на 400 копен для 5 лошадей, 5 голов рогатого скота и 10 овец [3, л. 172 об.]. В целом размеры непаханных земель у служилых варьировались в значительной степени: от 9–13 до 40–46 десятин в среднем в разных ошинских деревнях. Индивидуальные минимальные параметры таких казачьих владений могли составлять 5–7 десятин, а относительно подобных средних показателей на населенный пункт – 9 десятин (в Шкуновой) и 13 десятин (в Шадринной, Кубриной и Скатовой). Как уже отмечалось ранее, исключительными стали случаи, когда служилые не имели непаханных угодий (4 в Спасском селе и 2 в Коюрлинской деревне).

Дозорная книга в описаниях пашенных владений свидетельствует о распространении трехпольной системы в Тарском уезде в конце XVII в., но, по мнению авторитетного исследователя Сибири В. И. Шункова, наличие значительного массива непахотных земель свидетельствует о сочетании трехпольной системы земледелия и перелого [4, с. 117]. В селениях по Оше соотношение пахотной и непахотной земли составляло 1 к 2–4, исключение составляли деревни Кузнецова (1 к 6), Коюрлинская и Поморцова (1 к 9). Подобные показатели доказывают обилие плодородных угодий региона, мощный потенциал для развития хозяйства в будущем.

Помимо вышеописанных владений, в пользовании служилых людей отводились угодья, имеющие значение для разворачивания скотоводства. Это были сенные покосы, которые могли даваться и дополнительно к пашням, и без пашен и занимали менее пригодные для земледелия площади с заливными лугами, островами, заболоченными и поросшими лесом участками, изрезанными оврагами берегами ручьев. Более всего сенных покосов принадлежало служилым деревень Кузнецовой (в среднем более чем по 416 копен на двор), Терехиной (по 243 копны на двор), Поморцовой (по 233 копны на двор). Наименьшее среднее количество покосов было у жителей Шкуновой и Нагаевой (по 50 копен на двор). В основной же массе в ошинских селениях данный относительный средний показатель рав-

нялся 100–150 копнам. Личные размеры покосов колебались от собираемых с них 6–9 до 1000 копен, а наиболее распространенным оставался сбор от 100 до 200 копен. Незначительные заготовки сена могли свидетельствовать о меньшем поголовье скота. Таким примером может служить деревня Шкунова со среднестатистическим покосом в 50 копен, где и среднее число лошадей и рогатого скота было наименьшим среди остальных селений (1,8 и 2 на двор соответственно). Однако в деревне Нагаевой с таким же средним показателем по санным покосам поголовье скота было практически в 2 раза выше, а в Терехиной с приблизительно таким же средним количеством скота на один двор сенокосных угодий было почти в 5 раз больше.

Наличие споров о санных покосах и иных земельных владений между собой, а также между русскими и коренным населением (татарами) в описаниях Дозорной книги Тарского уезда и аналогичных документах того же исторического периода [5] подтверждает стремление закрепить за собой эти угодья всеми местными жителями. В качестве одного из подобных разногласий приведем пример конфликта по поводу поскотины в деревне Кучковской, возникший у пешего казака Ивашки Михайлова сына Мишагина Овдеева с Андрюшкой Немчиновым и Ивашкой Заболоцким. Спор был разрешен вынесенным вердиктом о совместном использовании ими поскотины [3, л. 164].

Дозорная книга Тарского уезда свидетельствует о развитом скотоводстве у русских перечислением не только сенокосных угодий, «поскотинных лугов», но и имевшегося в хозяйстве скота, обладание которым создавало также возможность уваживания полей, что, в свою очередь, способствовало росту продуктивности хлебопашества. Жители селений по Оше, как фиксирует источник, разводили три вида животных – лошадей, коров и овец. Наибольшая обеспеченность служилого сословия лошадьми была в деревне Кузнецовой (примерно по 6 на двор), рогатым скотом – в Тевриской (по 7 на двор), овцами – в Кузнецовой (по 10), в Кубриной и Кучковской (примерно по 6). Чаще всего в ошинских деревнях на один двор служилого приходилось по 2–3 лошади и по столько же коров. Количество овец различалось по деревням от 1 до 4 на двор, при этом в некоторых хозяйствах их не разводили, а в ряде селений не держали вовсе (в Куяновой, в Аевской слободе). Ранее приводились примеры многолошадных и многокоровных хозяйств, но встречались дворы, где скота не было вообще: у казачьих сынов Ивашки Дмитриева сына Ложникова и Андрюшки Федорова сына Костерина в селе Спасском, у литовской сотни казака Ивашки Ильина сына Заболоцкого в деревне Кучковской, у казачьего сына Матюшки Иванова сына Зубова в деревне Свицерской, у казачьего сына Андрюшки Фадеева сына Бабикова в деревне Скатовой, [3, л. 149 об., 150 об., 163 об., 178, 181 об.].

Тарский уезд на протяжении XVII–XIX вв. сохранял важное значение в качестве одного из центров

рыболовства в Западной Сибири, чему благоприятствовали природно-географические условия. Все местности края располагались в бассейнах рек и озер, изобилующих рыбными ресурсами. Так, в описаниях владений жителей деревень по Оше реке Дозорная книга называет помимо собственно Оши иные реки (Теврис, Арткас, Тиес, Ик, Чекруша) и небольшие речки (Чертаны, Антестовка, Сухая, Бехченка, Бугень, Кутурлы, Сарыбалык, Кибейка, Чабаклы, Бакланова, Балашева, Глухая). В документе указано немало озер – Караево, Карасье, Астонское, Кривое, Казатовское, Чабаклинское, Уайтуй, Круглое и пр. Эти обстоятельства обусловили доминирующие позиции рыболовства как промыслового занятия. Описывая владения жителей селений по Оше, Дозорная книга упоминает рыбную ловлю в деревнях Нагаевой, Кучковской, Носковой, Терехиной [3, л. 161, 166, 176] в качестве дополнения к основному хозяйству местных русских жителей. В поле зрения составителя дозора оказалось также озеро Коюрлинское, на которое приезжали за рыбой служилые сопредельных селений [3, л. 184 об.]. Рыболовство позволяло расширить рацион питания русских, традиционно состоявший из хлебных и мясных продуктов. Кроме этого, в перечислении занятий жителей селений по реке Оше единожды упоминается кузнечный промысел в селе Ложниковом, принадлежавший отставному конному казаку Гараське Ларионову сыну Копеву [3, л. 151].

Анализ данных, извлеченных из Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., подтверждает наличие сложившегося на протяжении десятилетий XVII в. богатого земледельческого опыта в Тарском Прииртышье и указывает на то, что местное население располагало ресурсами, позволяющими вести комплексное хозяйство. Помимо земледелия, важную роль играло скотоводство.

Материалы документа продемонстрировали простоту земельных наделов представителей разных категорий русского населения – служилых и простых хлебопашцев – как в области их размеров, так и в плане местоположения. Крестьянские хозяйства приобретали различные формы (с обязательной государственной десятиной и необязательными собинной частью и санными покосами) и включали неодинаковые по площади владения. По ряду параметров они незначительно отличались по размерам от казачьих (сенокосные угодья), но вот пашенной земли и скота у крестьян было меньше, не были они

обеспечены и почвенным резервом. В селениях по Оше вместе с Аевской слободой на 6 дворов служилых приходился один крестьянский, потому служилые люди должны были заниматься земледелием. Неудивительно, что сибирские служилые люди становились наиболее усердными хлебопашцами в XVII в., получая приоритет в выборе мест для своих угодий. В целом их земледельческое хозяйство в конце XVII в. во многом по типу приближалось к крестьянскому, что обозначало тенденцию перехода служилых людей в сословие пашенных крестьян.

Безусловно, иным, нежели у крестьян, было денежное обеспечение служилых людей, рассмотренное на примере детей боярских Тары и служилых селений по Оше. У представителей высшего сибирского военного сословия и рядового казачьего состава существовал примерно сходный уровень в плане количества обрабатываемой и непахотной земли, сенокосов, скота. Конечно, исключение составляло денежное довольствие детей боярских, превышавшее аналогичные выплаты, получаемые служилыми «низшего уровня». В ряде случаев пашенные наделы у служилых людей даже превышали размеры пашен у боярских детей, что обусловлено уровнем производительных сил, материальными возможностями казаков, их инициативой и трудолюбием. Преобладание пашен у простых казаков связано также с наличием мужчин в семье, другими словами, рабочих рук, способных эту землю обрабатывать, стремлением отцов заботиться о подрастающих сыновьях, которых требовалось обеспечить землями в будущем.

N. V. Kabakova

Economy of Russian residents of the Tarsky Priirtyshye (based on the materials of the Watch book of the Tarsky uyezd in 1701)

Annotation. The article is devoted to the development of agriculture and cattle breeding as the main types of economic activity among Russian residents of the Tarsky Priirtyshye region at the turn of the XVII–XVIII centuries. The main document for the study was the Watch book of the Tarsky uyezd in 1701 in terms of its information about serving people from among the children of the boyars of the city of Tara and the Cossacks, as well as peasants of villages located on the Osh river. The conclusion is made about the diversity of existing economic formations among representatives of different categories of the Russian population. **Keyword:** Watch book, Tarskoe Priirtyshye, economy, Russians, employees, peasants.

Источники и литература

1. Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2014. № 1 (1). С. 62–69.
2. Люцидарская А. А. Знаки, выделяющие категорию «дети боярские» из основной массы служилых людей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во «Институт археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук», 2018. Т. 24. С. 419–421.
3. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182.
4. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 228 с.
5. Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. «Страсти по Киргапской луке»: борьба за земельные ресурсы в Тарских Прииртышских землях в конце XVII века // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 56 (2). С. 417–427.